

МАКСИМ ГОРЬКИЙ И ЕГО ТРАГЕДИЯ

Вадим БАРАНОВ, доктор филологических наук, профессор

Площадка за выставочным залом на Крымской набережной стала свалкой монументов, сброшенных с пьедесталов. Но пока еще не появилась тут высокая сутуловатая фигура человека, опирающегося на палку. Та, что возвышается на площади у Белорусского вокзала, где его, живого, в 1928 году встречало людское море, охваченное единым порывом энтузиазма.

А чуть раньше, в марте, отпраздновали его 60-летний юбилей. Шквал восторженных статей, неиссякаемый поток приветствий, присвоение имени Горького улицам и площадям, институтам и театрам, паркам и библиотекам... В действие пришли все колесики и винтики гигантской пропагандистской машины. Тот шумный юбилей стал апофеозом тихой камлания по возвращению Горького на Родину.

28 марта нынешнего года, когда исполнится 125 лет со дня рождения Горького, ничего похожего на те торжества не предвидится. В газетах его ругают, станция метро теперь не «Горьковская», а «Тверская», и улицу в Москве переименовали. И с географической карты имя Горького убрали... Один из именитых литераторов, подобно разгневанному учителю Кунавинского начального училища, изрекавшему: «Пешков — вон из класса!», предложил изъять произведения писателя из программы школьного обучения. А в Челябинске во время чистки одной из партбиблиотек пошли дальше — предали книги Буревестника (теперь уже бывшего, что ли?) огню!

Но, может быть, сожжение книг в наше время — все-таки не более чем печальное недоразумение?

Против писателя выдвигается множество обвинений, в том числе и фантастического характера: будто бы он даже подписывал какие-то приговоры!

Освобождение массового сознания от засахаренного образа основоположника, каждая строчка которого — шедевр, — процесс, в целом, глубоко положительный. Идеологизированное сверх меры горьковедение в течение десятилетий творило легенду о певце Системы, тщателью обходя все острые углы, его ошибки, отдельные явления, которые не назовешь иначе, как постыдными.

И все-таки Горький должен быть интересен нам прежде всего как автор пьесы «На дне» и рассказа «Скуки ради», повестей «Детство» и «В людях» и портрета Льва Толстого, рассказов о любви начала 20-х годов и «Отшельника»... То есть

произведений, которые приводили в восторг крупнейших художников века: Р. Роллана и С. Цвейга, Б. Шоу и Д. Голсуорси, Т. Манна и Э. Синклера...

Весьма далекий от Горького Д. Мережковский в 1916 году опубликовал статью «Не святая Русь (религия Горького)». Усмотрев в «Детстве» одну из лучших, одну из «вечных русских книг», Д. Мережковский счел ее и в религиозном смысле одной из наиболее значительных, утверждая, что на вопрос, как идут Бога простые русские люди, «Детство» отвечает основательнее, чем даже книги Толстого и Достоевского.

Стоит вспомнить и отзыв Марины Цветаевой. «Премия Нобеля. 26-го буду сидеть на эстраде и чествовать Бункина. Уклониться — изъять протест. Я не протестую, я только не согласна, ибо несравненно больше Бункина: и больше, и человечнее, и своеобразнее, и нужнее — Горький. Горький — эпоха, а Бункин — конец эпохи. Но так как это политика, так как король Швеции не может нацепить ордена коммунисту Горькому...»

Что для нас, однако, бывшие авторитеты? И вот уже Горький становится интересен лишь... своими ошибками! Тем, что, ослепив личным присутствием Соловьи, что написал действительно страшноватую статью «Если враг не сдается — его уничтожат», в состоянии странного экстаза пришел по поводу «подвига» Павлика Морозова...

Если XIX век, пытаясь отстоять духовную суверенность литературы, нередко выдвигал принцип «искусства для искусства», то XX век в значительной степени пошел по пути стремительной политизации художественного самосознания. Разве не об этом говорит опыт даже такого блестящего мастера интеллектуальной лирики, как Б. Пастернак? Отошедший в свое время от историко-революционных поэм «1905 год» и «Лейтенант Шмидт», он вновь обратился к социально-политической проблематике в романе «Доктор Живаго» и дал новаторское понимание гражданской войны в России.

Вчитаемся в удивительные пе

своей исповедальной проникновенности письма Б. Пастернака Горькому, и мы поймем, что и книги Горького, и он сам как личность, как «океанический человек» (по определению Бориса Леонидовича) стали неотъемлемыми слагаемыми творческого потенциала поэта. И прежде чем кардинально переосмыслить драму революции, он словами, в искренности которых сомневаться не приходится, сказал: «Я не знаю, что бы для меня осталось от революции и где была бы ее правда, если бы в русской истории не было Вас».

Волею исторических обстоятельств Горький стал в 20—30-е годы объектом пересечения различных политических сил. Сторонник социалистического преобразования действительности, он много лет прожил на Западе, в условиях капиталистической системы, внимательно наблюдая за процессами, происходившими там в общественной жизни. Горький с тревогой следил за рождением и активизацией фашизма. В то же время он не мог принять позиций русской эмиграции, решительно отвергавшей пути, пролагаемые Октябрем. Особенности его положения пронизательно охарактеризовал Стефан Цвейг: «Горький хорошо знает, что весь мир ждет от него свидетельств: Советы ждут, чтобы он высказался за них и все одобрил, а другие ждут, чтоб он все осудил. А он молчит, и кто способен понимать, может понять и его молчание... Его положение абсолютно трагично».

Вину Горького прежде всего связывают с поездкой на Соловки в 1929 году. Позиция, занятая тогда писателем, находит безоговорочное и естественное осуждение у Александра Солженицына в «Архипелаге ГУЛАГ», но при этом делается вывод, что Сталину даже незачем было убивать Горького. Лишь недавно стали известны другие факты, также относящиеся к тому же 1929 году. «Год великого перелома» стал годом расправы Сталина с последней серьезной оппозицией со стороны Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова. И вот, когда все они потерпели поражение, а Бухарин был подвергнут беспрецедентной травле на страницах печати, Горький пишет Сталину очень решительные по тону письма в защиту этих «еретиков». Столь же решительно заступился тогда он и за Б. Пильняка и Э. Замятина; понимая, что на сей раз начинается кампания уже не против отдельных писателей, а против литературы в целом. Среди тех,

кого Горький брал под защиту, были и И. Бабель, М. Булгаков, А. Платонов, также не угодившие системе.

Выстрелом 1 декабря 1934 года в Смольном Горький был потрясен. И, пожалуй, только с этой поры и начинается его отход от Сталина и соответственно явное охлаждение Сталина к нему. Перемены в отношении к писателю понятны: надежд на то, что Горький напишет книгу о нем, становилось все меньше. И хотя к этому времени при самом активном, определяющем участии Горького уже был создан Союз писателей и на литераторов можно было воздействовать через их же организацию, у Сталина были основания и для недовольства итогами съезда: на нем вновь высоко поднял голову Бухарин. Он и Горький слишком много брали на себя в критике идеи связи литературы и государственности (противопоставление Пастернака Маяковскому в докладе Бухарина), в пропаганде «либерализации» по отношению к интеллигенции.

В связи со сказанным остро встает вопрос о прямом деформирующем воздействии политики на нравственность. В конце жизни Горький и сам стал живой иллюстрацией губительного влияния, какое оказывает на человека безграничная власть. Отрицательные свойства характера стремительно пошли в рост, заглушая добрые начала. Известны крайне резкие оценки Горьким ряда писателей, младших современников. Чего стоят, например, его слова о том, что расстояние от хулигана до фашиста короче воробьиного носа, сказанные в связи с поведением в быту поэта Павла Васильева.

В середине 30-х годов Горький охладевает даже к таким писателям, как Булгаков. Но более показателен, пожалуй, пример с Короленко. Отношение Горького к нему всегда было почтительно-благоговейным. И кто бы мог подумать, что в середине 30-х годов появится вот такой отзыв. Во время одной из бесед с литераторами Горький бросил: «Короленко это не бог весть что... Если бы его не съела публицистика, то он написал бы хорошие вещи».

Короленко «съела публицистика»? И это об авторе знаменитых писем к Луначарскому, которые важнее и по-человечески значительнее любого романа! И Горький ли говорит это?

Перед нами уже другой Горький — государственный человек, мучительно ищущий путей

достижения согласия между личностью и системой. Его интересуют теперь не формы оппозиционного противостояния личности власти, а положительный опыт их сотрудничества. Он еще верит в то, что это возможно.

Ярче всего негативное воздействие тоталитарных политических доктрин на художественное сознание выразилось, вероятно, в творческой истории и судьбе «Жизни Клима Самгина».

Роман появился, когда позади были уже процесс Промпартии, «шахтинское дело», выявившие губительность сталинской политики по отношению к интеллигенции. Переосмысливая сегодня «Самгина», мы ощущаем мучительность той борьбы, которую писатель вел с самим собой, пытаясь подчинить замысел соответствующей идеологической доктрине. Достаточно вспомнить Горького периода революции и гражданской войны с его «Несвоевременными мыслями», подвижнический опыт писателя, взятый на вооружение теми мужественными людьми, которые решительно выступили в защиту свободы творчества и инакомыслия в 60-е годы, например, Лидией Чуковской с ее письмом М. Шолохову по поводу его речи на XXIII съезде партии. Резко осуждая А. Сивянского и Ю. Даниэля за публикацию своих произведений на Западе, М. Шолохов тогда выразил неудовлетворенность «мягкостью» приговора и вспомнил времена гражданской войны, когда при борьбе с «контрой» руководствовались не законом, а «революционным правосознанием».

«Именно в «памятные годы», т. е. с 1917 по 1922, когда бушевала гражданская война и судили по «правосознанию», — пишет Л. Чуковская, — Алексей Максимович Горький улолреблял всю силу своего авторитета не только на то, чтобы спастись писателей от голода и холода, но и на то, чтобы выручать их из тюрьмы и ссылки... Традиция эта — традиция заступничества существует в России не со вчерашнего дня, и наша интеллигенция вправе ей гордиться».

Работая над «Жизнью Клима Самгина», Горький не смог противиться идеологическому прессингу тоталитаризма при осмыслении драмы интеллигенции. Не это ли стало источником внутренней драмы самого писателя в 30-е годы? К чести Горького, роман, вознесенный до небес официальной критикой,

сам автор расценил как неудачу: «Клима» надо переделать с начала до конца».

Особого изучения требуют 1935 и 1936 годы — время последовательного, постоянно усиливающегося давления на Горького, когда он — сиделец в золотой клетке, лишенный прямой связи с миром. Но Сталин бится с его. И не случайно.

В начале 1936 года в зарубежной печати появились сведения о Горьком, имевшие сенсационный характер. В меньшевистском «Социалистическом вестнике» сообщалось, что в России в условиях рождения новой Конституции начинают оформляться две партии. Одна — партия функционеров, или, как бы мы сказали сегодня, аппарата. Другая — партия интеллигенции, ее будто бы собираются воззвать Горький и академик Павлов.

Что касается И. П. Павлова, то контакты престарелого, но еще весьма бодрого академика с писателем были в то время

весьма активны, причем Павлов не скрывал резко критического отношения к порядкам в стране, о чем даже писал Молотову (перед которым, кстати, Горький ходатайствовал в 1934 году о присвоении академику звания Героя науки). Как известно, вскоре же, в феврале, Павлов умер неожиданно и при весьма загадочных обстоятельствах.

Сама идея о возможности создания новых демократических структур могла кому-то, особенно на Западе, показаться весьма заманчивой и реальной. Не лишено оснований и предположение о том, что о попытках создания двух партий узнали в «Соцвестнике» именно от Бухарина, выезжавшего как раз тогда за рубеж для приобретения архива Маркса и встречавшегося с редактором этого журнала. Не исключено, впрочем, что все это было просто провокацией, направленной и против Павлова, и против Горького, а в конечном счете и против Бухарина (вот

сколько «зайцев» можно было убить одним выстрелом!).

Горький принял концепцию сталинского социализма. А его не лишенная непоследовательности оппозиция была все же оппозицией внутри сталинизма. Началась игра не на равных. Она могла быть кончена в любой момент, удобный для кремлевского игрока.

Вряд ли версия об отравлении Горького когда-нибудь будет доказана с достаточной полнотой. Вождь умел не оставлять следов. Ясно одно: Сталину было крайне важно, чтобы ушел человек, от которого он взял все, что мог.

Горький мучительно искал равнодействующую — то, что найти было в принципе невозможно. Он не стал ни послушным слугой сталинского режима, ни его последовательным оппонентом. Судьба Горького трагична, и в ней отразились и глобальные противоречия века, и в первую очередь трагедия России и ее интеллигенции.

Фото из архива.